

ЗИНАИДА ГИППИУС

РАССКАЗ О
ФЕЛИЧЕ

Зинаида Николаевна Гиппиус

Рассказ о Феличе

Аннотация

«За что Ивана Ивановича любила молодежь? К нему льнули все, и не только самые зеленые слушатели его лекций по искусству, но талантливые, уже признанные литераторы и художники «из молодых». Он был прост, спокоен, ровен, и всегда у него было почему-то весело. Должно быть, потому, что он сам нисколько не старался играть в «молодого» (хотя мог бы: ему и пятидесяти не стукнуло): а напротив, мягко настаивал на том, что «его времена другие»; но интересовался современностью с такой искренней приятной лаской, что и глядеть на него было приятно...»

Содержание

I	7
II	11
III	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Зинаида Гиппиус

Рассказ о Феличе

За что Ивана Ивановича любила молодежь? К нему льнули все, и не только самые зеленые слушатели его лекций по искусству, но талантливые, уже признанные литераторы и художники «из молодых». Он был прост, спокоен, ровен, и всегда у него было почему-то весело. Должно быть, потому, что он сам нисколько не старался играть в «молодого» (хотя мог бы: ему и пятидесяти не стукнуло): а напротив, мягко настаивал на том, что «его времена другие»; но интересовался современностью с такой искренней приятной лаской, что и глядеть на него было приятно.

В его тихой квартире, немножко старомодной, где по стенам висели гравюры с старых итальянских мастеров, дышалось как-то свежо и свободно. Любил Иван Иванович и старомодные беседы кружком «у камелька». И она выходили, удавались, как это ни странно.

Жена у Ивана Ивановича тоже была приятная: еще красивая, стройная и вся – тихая. Посидит-посидит с гостями мужа в кабинете, за рукоделием, послушает умно, неслышно уйдет, чтобы не мешать.

В один из таких вечеров «у камелька» опять сказал что-то Иван Иванович о «своем времени».

– Да какие это такие «ваши» времена, Иван Иванович? –

капризно сказал молодой поэт-юморист. – В чем это пресловутое различие? Ведь не «шестидесятник» же вы?

Иван Иванович улыбнулся.

– Нет. Как определить? – не знаю, трудно. Мы – преддекаденты были, а вы по-декаденты. Между вами всеми и нами, ну хоть бы мной, лежит целый надлом. Мы, если писали, то писали о наших требованиях к жизни, а вы уже пишете о жизни.

– Не понимаем, – сказали некоторые.

– Ну вот, что же тут непонятного? Отлично понимаете.

– Нет, слишком общо, объясните.

– Не стоит. А вот разве...

Иван Иванович подумал и продолжал:

– Я не писатель, но есть у меня старая тетрабочка одна, рассказ из моей жизни. Я вам ее прочту, если хотите. Лучше всех объяснений эта тетрабочка.

Гости были в восторге. Право, точно в старых повестях: хозяин читает собравшимся приятелям свои записки.

– Предупреждаю, господа, вам будет скучно. Но вы с исторической точки зрения смотрите, – начал Иван Иванович, усаживаясь к лампе. (Тетрадку он вытащил из какой-то тяжелой, красивой шкатулки.)

– И над стилем прошу не смеяться, он – тоже история, и тоже эту самую разность времен объясняет и подчеркивает. Отцы часто детей не понимают: ну, им Бог простит, так по-

ложено. Да и то это предрассудок, что все отцы всех детей не понимают. Но детям не знать и не понимать отцов своих – прямо стыд. Кто не видит прошлого, тот как следует и настоящего своего не видит.

– Да уж читайте, Иван Иванович, уж довольно предисловий, – небрежно сказал видный повествователь-«неореалист», – знаю, к чему все сводится: попросту к вопросу о романтизме, старом и новом...

– Ну, это все клички... Упрощение сложности... А вот просили, так лучше слушайте мою историю о Феличе.

Иван Иванович начал:

I

Странно сказать, из-за чего я поссорился с моей невестой, Варварой Николаевной: из-за того, что дела требовали моего отъезда в Петербург на две-три недели, дела очень важные для моего состояния и всей последующей жизни, – а Варвара Николаевна меня тогда в Петербург отпустила. Это кажется с первого взгляда несообразным – да оно и несообразно, – но все-таки я лучше расскажу по порядку.

Всегда, с тех пор как себя помню, я был один. Учился в петербургской гимназии и жил на квартире один со стариком-лакеем и нянькой Акимовной. Акимовна была еще нашей крепостной и ходила за мною со дня моего рождения в Новгородской губернии, в хорошем и благоустроенном имении Погудка. В семье нашей дети не держались. Я был последний и остался жить. Умерла мать. Лет через пять умер отец, и я остался один, на руках Акимовны и денщика, если не считать Валериана Константиновича, моего опекуна, очень богатого старого холостяка, разбитого параличом. Я Валериана Константиновича боялся, видал его во все время моего пребывания в С.-Петербурге лишь по субботам и, судя по его холодно-надменному со мною обращению, думал, что он меня терпеть не может.

Я учился плоховато, много читал, ни с кем не сходил-ся и имел большую склонность к мечтаниям. По окончании

гимназии я попробовал перейти в университет, побывал на нескольких факультетах, не кончил ни одного и, наконец, двадцати семи лет от роду, переехал в свою деревню Погудку, которая теперь отнюдь не была уж столь благоустроенным именем, благодаря целому ряду вороватых управляющих, – и предался там тихой жизни, к какой меня давно влекло. Я читал книги только красивые и возвышенные; я не работал – к чему работа, если не нужно зарабатывать себе хлеб? Мне хватало тех небольших средств, которые я имел. Много ходил, гулял – и мечтал. Телосложение у меня было нежное, но здоровое. На вид я был гораздо моложе своих лет, и часто, глядя в зеркало, я задумывался, воображая себя одним из тех чернокудрых юношей (волосы у меня, действительно, завивались в черные кольца, и я их отрастил до плеч), которые действуют в новеллах Боккаччио и Секкети, которых я так любил на гравюрах со старинных итальянских картин Боргоньоне или Мазаччио. Эти юноши сочиняли тонкие стихи и любили прекрасных дам. Я даже хотел сшить себе обтянутый костюм и широкую и яркую верхнюю одежду того времени – но постыдился старого слуги моего и Акимовны.

О, милые юноши! Как я им завидовал! Завидовал не только их красивой и нежной одежде, – завидовал стройности их стана, профилю, гордому и женственно-тонкому, завидовал им, жившим в невозвратное время красоты, благоуханий и полное изысканных упоений.

А больше всего я думал о любви. То есть я воображал, что

совсем о ней не думаю, и не смею думать, – а между тем думал только о ней. Когда я сознавал, что думаю о любви, ловил себя на этой мысли, – я приходил в ужас. Зачем? Зачем? Неужели искать любви, какую может дать затянутое в корсет сердце барышни, дочери соседнего помещика или чиновника в ближнем городе? Любовь казалась мне чем-то ужасающим, недосыгаемо-великим. Только такой любви я хотел; знал, что никогда не встречу ее, а потому не желал никакой любви, твердо решил никогда не любить.

Часто Акимовна, видя меня за книжкой на балконе летом или зимой у топящейся печки, молчаливого, занятого своими мыслями, – покачивала головой и произносила поучительно:

– Эх, голубчик вы мой! И все-то вы один да один. Человек молодой, красивый – и никакой ему утехи. Жениться бы вам, батюшка мой, вот что. Молоду жену в покои привести. И туманиться бы перестали.

Сначала я возмущался, вскакивал с места, приказывал Акимовне молчать. Потом мало-помалу привык к ее упорным речам, почти не слышал их, и только спокойно и однообразно отвечал:

– Я никогда не женюсь, Акимовна.

Нельзя же было, в самом деле, объяснять ей мои мысли.

Шло время, мелькали недели и месяцы. Я жил в Погудке в мире моих любимых книг, который заслонял от меня и обветшалые, деревянные стены моего дома, и березовую рошу

за тихим прудом, где у берега плескались желтые утята, и сморщенное лицо моей старой няньки.

Была у меня еще одна мечта, одно желание, которое, чем дальше шло время, тем становилось ярче. Но об этом после, тем более, что это желание было очень определенно и реально.

Неожиданное обстоятельство изменило мою жизнь и возмутило мирное течение моих грез.

II

Как-то в середине июня, – а может быть, и позднее, потому что я помню, липы уже начинали цвести в моем саду, – я вышел гулять после обеда. Шел, не замечая дороги, и, наконец, зашел так далеко, что сам удивился и обеспокоился. Место казалось мне совершенно незнакомым. К довершению удовольствия стало сильно темнеть, и пошел мелкий, тонкий дождь. Я не любил дождя – и поежился. Идти назад было жутко. Я только что вышел из леса на опушку и возвращаться под темнеющую сырость черных деревьев мне казалось невозможным. Дождь усиливался, я уже чувствовал простудную дрожь в спине, между плечами, со мной не было даже зонтика.

Я взглянул вперед. За полем, сквозь мутную сеть сумеречного дождя, я различил что-то похожее на церковную колокольню, а поодаль, в лощинке, темнела деревянная кровля усадьбы. Из соседей я не знал решительно никого, не знакомился намеренно, и, хотя с презрительной жалостью думал о любви, на которую способна барышня-помещица, – я, по правде сказать, никакой барышни никогда не знавал и в женском обществе не провел во всю жизнь и часу. Впрочем, робости у меня не было, и, если я так избегал всяких отношений с людьми, – то единственно потому, что ничего от них не ждал, ничего такого, что было бы мне нужно или интересно.

Поэтому я, не смущаясь, направился к домику с деревянной кровлей, намереваясь попросить приюта от дождя и провожатого.

Старенький забор усадьбы был уже близок. Вдруг я заметил в нескольких шагах от меня темную фигуру под широким зонтиком.

– Послушайте, – окликнул я, – извините, пожалуйста, тут можно пройти в усадьбу?

– Да, можно, вон туда, направо.

Я заметил, что говорившая была женщина, скромно завернутая в синий шерстяной платок. Голова не покрыта, гладкие, очень темные волосы спускаются на шею тяжелым узлом. Я подумал было, что это – горничная, но нет: слишком прост и ясен был ее голос; черты кругловатого лица, которое белело под зонтиком, показались мне прямыми, умными и нежными.

– Я заблудился, – продолжал я, приподняв шляпу. – Вечер, идет дождь, я боюсь, что не найду дороги до ночи. Если б в усадьбе мне могли дать провожатого...

Девушка взглянула на меня внимательно.

– Пойдемте к нам. Я из усадьбы, дочь помещицы. Да идите сюда, под зонтик, дайте вашу руку, а то вы совсем вымокнете.

Я провел вечер в большой столовой усадьбы Лужков, за ужином и самоваром. Меня приняли приветливо. Помещица, Вера Ивановна Никитина, произвела на меня очень при-

ятное впечатление сдержанностью и умной молчаливостью; к тому же дочь Варя была на нее необыкновенно похожа, а Варя сразу понравилась мне. Она держала себя просто, часто улыбалась, но не хохотала, и говорила слегка нараспев. Она не казалась слишком молоденькой, ей, вероятно, минуло года двадцать три. Тонкий, но не худощавый стан, пока-тые плечи были красивы, ясные глаза глядели тепло.

Я уехал только в двенадцатом часу, не веря себя и несказанно удивляясь, что провел вечер с таким удовольствием — среди других людей.

Меня удивило и то, что помещицы меня знали. Варя сразу догадалась, кто я, когда я ее окликнул. Мое затворническое житье было известно кругом; вероятно, и сплетничали про меня, как водится; впрочем, я этим не интересовался. Никитины просили меня бывать у них, но, я думаю, этим бы наше знакомство и кончилось, если бы Варя была менее проста, открыта и настойчива.

III

Прошла неделя или полторы. Я уже стал забывать моих новых знакомых и ту отраду, которую давали мне Варины глаза. Углубился в книги: как раз пришли новые из Флоренции. Средств моих хватало, чтобы позволять себе эти удовольствия. Многие из тех же книг я легко мог доставать и в Петербурге, но не хотел. Я списался непосредственно с флорентийским магазином и получал оттуда все, что выходило по интересующим меня вопросам. По-итальянски я выучился легко и скоро, читал, как по-русски. Давно я уже остановился на пятнадцатом веке и с великим жаром изучал историю искусства, нравов и жизни.

Книг пришло немного на этот раз, три или четыре, но такие интересные, что я даже гулять не ходил. А когда случилось из окна моего кабинета увидеть тихую березу на дворе, амбары с покосившимися деревянными колоннками, кухарку Мавру с подоткнутым подолом, проветривающую мое собственное ватное пальто, – я с горьким чувством отвернулся и думал: «Нет, это ошибка, ошибка! Зачем я родился здесь, в этой бедной и молчаливой стране, живу среди уродливых людей, смотрю на бледное небо – и ничего не вижу, кроме этого двора, березы и Мавры? Почему случилось так, что я помещик, зовут меня Иван Иванович, и я ношу ватное пальто? Почему я живу в девятнадцатом веке, который

гордится своими мало интересными проволоками, и не могу беспечно и весело гулять по зеленым лугам Фьезоле, рассказывать новеллы и говорить стихи лукавым флорентинкам, сопровождая себя на лютне?»»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.